

ПЕРЕПИСКА ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ШМЕЛЕВА И ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ БРЕДИУС-СУББОТИНОЙ

В 1996 году в Российский государственный архив литературы и искусства пришло сообщение о находящихся в Голландии письмах Ивана Сергеевича Шмелева. Начались переговоры, в ходе которых мы узнали, что имеем дело с уникальными материалами, охватывающими последний, малоизученный период жизни писателя (1939—1950 гг.), по-новому раскрывающими его творчество. В июне-августе 1999 года о. Григорий Красноцветов, владелец архива, безвозмездно передал переписку на постоянное государственное хранение в РГАЛИ. Мы благодарим о. Григория за неоценимый вклад, который он внес в сохранение культурного наследия России.

Среди поступивших в РГАЛИ материалов находятся 605 писем И. Шмелева (19.06.1939-09.06.1950, продиктовано М. Волошиной), 511 писем О. Бредиус-Субботиной (09.06.1939-20.05.50). Разница в количестве объясняется тем, что многие письма Шмелев отправлял не дожидаясь ответа Ольги Александровны. Нередко несколько писем датированы одним днем. Одно письмо занимает, в среднем, 3-4 машинописных листа; большинство писем отпечатаны на машинке, чаще всего через один интервал, некоторые — рукописные.

В архив также входят рукописи и заметки Ольги Александровны, фотографии И. Шмелева, О. Шмелевой (Охтерлони), С. Шмелева,

О. Бредиус-Субботиной и ее родственников, автопортрет Ольги Александровны, письма к ней от А. Овчинниковой (матери), С. Субботина, Ю. Кутыриной, А. Меркулова (врача И. Шмелева) и др. лиц. Эти письма охватывают период с 1926 по 1950 гг.

Все перечисленные материалы — подлинники. Общее количество документов — одна тысяча четыреста шесть. Хронологические рамки архива — [нач. XX века]–1950 год.

В 1939 году (девятого июня — в день своего рождения) Ольга Александровна написала первое письмо И. С. Шмелеву — письмо чуткой, вдумчивой читательницы, понимающей не только литературное творчество, но и душевное одиночество автора: «Столько чудесных, прекрасных близких лиц суждено было Вам утратить из жизни, когда-то такой полной, богатой этими людьми. Если Вам покажется иногда, что Вы одиноки, то не думайте так! [эта фраза подчеркнута Шмелевым] Вашим Духом живут много людей, Ваша Божия Искра затеплила у многих лампаду».

Позднее Шмелев вспоминал: «И все это как бы предуказано нам было, predetermined. Этот день... девятого июля — двадцать седьмого мая 1939 года. Когда ты рыдала в день рождения твоего... И — моя книга [«Неупиваемая чаша»] тут упала в твое сердце, и ты написала мне, одинокому, недавно вздыхавшему в тоске необоримой» (из письма 10.03.1944).

Письма И. С. Шмелева и О. А. Субботиной это не только переписка писателя и читательницы, это история преданной любви, последней любви Шмелева и, возможно, единственной Ольги Александровны.

Круг интересов Ольги Александровны был необычайно широк. Это литературные и художественные течения русской эмиграции, судьбы Православной Церкви в СССР и за рубежом, догматика и религиозная философия, пути возрождения России. Все это позволяло И. С. Шмелеву относиться к ней не только как к любимой женщине и читательнице, но и как к духовно близкому человеку. «Ты как никто знаешь душу моего творчества...», «...ты — мой труд... ты — самый светлый, самый радостный труд. Мы — призрачность для других. Мы для нас — живей самой подлинной сущности. Мы творим себя, взаимно... Творчество становится творением, дитей души, сердца, мысли...» (из письма 28.03.1942).

Предельная откровенность порой приводила к разногласиям. Так, например, о России, сходясь в главном — горячей любви и боли за нее — они нередко спорили. Для И. С. Шмелева после переворота

Россия перестала существовать, его отношение к СССР было очень сложным. Для Ольги Александровны Россия оставалась Родиной, парализованной чуждой ей властью. В этом ее взгляды очень близки И. А. Ильину, с которым она переписывалась, вероятно, познакомившись через Сергея Александровича.

И. С. Шмелев обращался к Ольге Александровне по поводу своих лучших произведений, специально перепечатывая и исправляя их для нее. Понимая ее одаренность, И. С. Шмелев советовал ей (часто и упрекая) вернуться к творчеству, разбирал и оценивал ее работы в своих письмах.

Что же представляли письма Шмелева к ней?

Тематика их неисчерпаема. Прежде всего, это дневник писателя за последние двенадцать лет: повседневная жизнь в Париже, картины оккупации, англо-американская бомбежка, когда в почти полностью разрушенном доме чудом уцелела его квартира, и он заказал написать икону Богородицы в память этого дня, нужда, постоянные заботы о пропитании, болезни, поездка на год в Швейцарию, литературные выступления, его оценки себя и близких — и это все изо дня в день. Нередко Шмелев обращается к прошлому, вспоминая детство, смерть отца, жизнь в деревне, рождение сына, первые произведения, трагедию Крыма, болезнь и смерть жены.

Наряду с этим, в переписке можно выделить несколько основных тем.

Одна из них — отношение Шмелева к писательству, истории русской литературы и ее предназначению. «Особенность литературы нашей — в ее истоке. Наша культура запечатлена печатью тысячелетней — крещением... Ценность литературы русской, [то], чем она светит нам и миру, поскольку мир еще способен созерцать свет — в этой запечатленности души...». «Писатели наши православные... — это отсеянное из всего народа. Говорю о *подлинных*, их совсем немного у нас было, не нынешних... Или: «Нас, русских, мир еще очень мало знает. Он знает, конечно, нашу великую литературу, но... она для него, пожалуй, как «всечеловеческая»... стоит как бы вне русского и русских... Нет, мы знаем свою культуру, и не растеряем ее, вернем освобожденной России, заветное это наше. Без этой высокой культуры не было бы и вселенской литературы нашей. Жива она и в поработленном народе нашем, и в его чудотворном языке» (из писем И. Ш. от 10.02.1941, 26.09.1941 и 23.10.1939).

И. С. Шмелев неоднократно обращается к Пушкину и его литературным героям. «Познай Пушкина и Евангелие» — пишет он Ольге Александровне двенадцатого апреля 1942 года.

Замечательна его характеристика Достоевского. В понимании Шмелева, произведения Достоевского стали как бы рубежом, вехой в истории русской литературы; Достоевский в равной степени и наследник Пушкина (и даже более глубоко — наследник религиозной традиции русской литературы), и предвестник «грядущего разброда». «Романы его — это опыты его — не отстоявшееся вдохновение... и потому не от Пушкина, не от Толстого. Те — певцы, а он — пророк, и страстный, и потому смутен. Он ставит себе задание, всегда. Страшно субъективен, горяч, сам в себе бунтует. Все его «герои» — он. И всегда — вопрос, возмущение, бунт. Бушующий внутренний, скрытый мир человеческих страстей и мыслей — вот что дал Достоевский — *болезненное* в человеке. Иное — просто гениально по мыслям, по «взрывам» — возьми хоть «Легенду о Великом Инквизиторе»... Но искусство — преодоление хаоса, облечение в форму, по слову «да будет!». Тво-ре-ние... Достоевский лишает, а не дает» (из письма 15.09.1943).

И. С. Шмелев неоднократно пишет о творчестве Лермонтова, Тургенева, Тютчева, Фета, Чехова, других писателей. Интересны и его оценки своих современников, хотя иногда они излишне категоричны. Вряд ли писем охарактеризованы Бальмонт, Мережковский и Зинаида Гиппиус, Леонид Андреев, Ремизов, Сергеев-Ценский, А. Н. Волконский, Бенуа, Бакст, Грабарь. Более подробно Шмелев пишет о Николае Евреинове в связи с возможностью театральной постановки «Человека из ресторана».

В переписке последовательно обсуждается, иногда вызывая споры, творчество И. А. Ильина. «В нем есть порядком склонность «учительствовать» и «регламентировать». Даже и в *молитвенном* — дидактик и методик. О молитве... — он может хорошо сказать, но не для молитвы». «Иван Александрович — острый аналитик, творец схем, но... не образов. При этом он тонкий критик, я бы сказал — единственный настоящий в наше время». «Я — полная противоположность, хоть он и настаивает, что я мыслитель, большой даже... Нет, мысли мои воплощены в живое, живущее — это мысли-чувства, в них ходит-бьется живая кровь. Мне не надо исписывать сотни страниц чтобы внушить осмысление вещей и соотношение их, это дается искусством — в миг один — жестом, словом, действием принятого в сердце персонажа» (из писем 27.04.1942 и 31.08.1942).

И. С. Шмелев высоко отзывается о произведениях Бунина, отмечает постоянную помощь, которую тот ему оказывал. Хотя некоторые высказывания о творчестве Бунина звучат достаточно едко, показав-

огромный духовный опыт изо всего, что со мной было, и главное, — нет смерти... Есть Бог и нет смерти» (17.01.1950).

С темой творчества неразрывна для Шмелева тема Родины — России. Двадцатого октября 1941 года, во время наступления немцев под Москвой, он пишет: «А Россия... когда первые раны заживут... скоро будет! Она наименует меня, может быть, верным сыном, примет в сердце... Я писал о России, для своего народа».

Мысль о России не оставляет его и при работе над «Летом Господним». «Надо же завершить, оставить русским читателям целостное произведение» (22.08.1943). После «встречи в письмах» с Ольгой Александровной он думает о поездке в Россию вместе с ней: «Если откроется Россия — у нас все будет, пусть хоть на короткий отрезок лет, что мне суждено прожить». «Мечтаю вернуться домой, но без тебя не поеду. Я должен привезти и прах Оли, похоронить на Родине» (из писем 22.01.1942 и 30.04.1942). Сегодня последнее желание писателя осуществилось.

Судьбы русской интеллигенции и ее роль в истории России всегда волновали И. С. Шмелева. Ее обособленность, превратно понимаемый «интернационализм», отсутствие интереса к вере и духовным вопросам, одностороннее, а часто и поверхностное образование были причиной резких замечаний Шмелева. Еще в двадцатых годах он писал К. А. Треневу: «Зачерствел и опоганился русский интеллигент! Никогда не любил я нашу болтливую, лживую, мелкую, себялюбивую интеллигенцию. Теперь вижу ее оголившейся. И куда мне больше по сердцу еще не нюхнувший «культуры» простяк-человек. У него все прямолинейней и проще. И скорей дорожаете до его души. Ему простишь все» (из письма от 27.03.1922 г., РГАЛИ, ф. 1938, оп. 2, ед. хр. 537, лл. 9–10). Это противопоставление внутренней пустоты интеллигенции искренности и органичности народа прослеживается и далее: «Я не люблю интеллигентов, их стертых разговоров, их кризисы... Я предпочту день проговорить с серым мужиком, со старухой, с бойким пареньком, чем с человеком нашего круга» (из письма к О. Бредиус-Субботиной от 12.06.1942). Однако подлинный талант всегда вызывал у него восхищенное признание. «Оля, не теряй случая зарядиться светом, пусть не от моего искусства, так от А. Н. Бенуа. Это пир, это редчайший случай — какой обаятельный добрый человек!» (15.02.1947).

Значительная часть писем содержит варианты глав произведений («Куликово поле», «Няня из Москвы», «Лето Господне», «Богомо-

лье»), фрагменты рассказов («Рождество в Москве», «Под горами», «Трапезондский коньяк», «Свет во тьме» и др.). Нередко работа над произведением продолжалась и в процессе переписки — правка Шмелева уже по перепечатанному тексту. Среди этих писем наиболее интересны комментарии Шмелева к своим произведениям, размышления о них. «Мой рассказ [«Куликово поле»] — не только художественный, но и ведущий, напоминающий... вскрывающий главнейшую сущность нашу. И потому мне тесно было в узких, сухих тогда, «чисто-художественных рамках». Так я почувствовал. И сильнее чувствовал, с годами, слыша голос *ответственности*» ([сентябрь] 1947). Или, например, воспоминание Шмелева о завершении работы над повестью «Человек из ресторана»: «В день смерти Толстого, в ноябре вечером, когда узнал я о кончине, я заканчивал переписку... и в тот же вечер, — была ночь около двенадцати — поставил последнюю точку» (22.08.1943).

Для изучения творческого наследия Ивана Шмелева наиболее значимы письма позднего периода — 1944–1950 гг. В это время Шмелев возобновляет работу над романом «Пути небесные» (второй том), прерванную после смерти жены. В письмах перепечатаны (маш. с авт. правкой) главы романа и комментарии к ним. «Последнюю главу [«Пути в небе»] я изменял раз пятнадцать! Больше, лучше — я не могу. Совесть спокойна» ([1947 г.]). Однако более интересны планы и заметки, посвященные третьей и четвертой частям «Путей», раскрывающие сюжетную и символически-философскую сторону незавершенного романа: ««Пути» творились, вырастали незаметно. Я Вас любил — и они любили, росли... Сколько в них вливалось! Я воскресил — я же творю их, я имею право, как Творец! — я воскресил моего Диму... я ему дал Дари... я дал ребенка им... я дал страдание-искупление, сверх всего, огромного... гимн творению Творцу, земле и небу. Небо я спустил к земле и сочетал их...» (10.10.1941).

Роман «Пути небесные» подводит итог не только творчеству Шмелева, но, в его понимании, «беспутью» литературы XX века. Роман призван «направить», вернуть к истоку словесности, найти *путь* для России. «Я знаю, есть у меня обязательство перед русским читателем... Ибо чуется мне, видится духовным взором, что все это не случайно, а *дается*... Я хочу сам уйти в наши просторы русские... и все пронизать святым... через нее, Дариню, показать читателю русский мир Божий. Иногда кажется, что это наказ мне — написать, закончить, отразить уже данное, таящееся там от века. Вот почему трепет

(.0 .1941 .

[illegible]

Из письма третьего марта 1944 года: «Я запаковал все твои письма в четыре пачки, 270 писем! На каждой написал: «Может быть опубликовано только с разрешения автора и только вместе с моими письмами к О. А. Бредиус-Субботиной», и отвез к профессору Карташеву... Я успокоился, когда отвез их. Сердце свое укрыл... Очень хорошо, что [ты] решила положить в сейф мои письма в тихом городке... Одни без других не могут получить жизни».

Свою переписку с О. А. Субботиной Шмелев сравнивал с перепиской Чайковского с фон Мекк, и не в пользу последней: «Переписка с фон Мекк — суховата и бледновата... трудно одолевается. Меня разочаровала. Чайковский — умен, лиричен и... порой странен. Много тут туман. Мекк — сушка, головная какая-то «любовь», верней преклонение, обожание, но рассудочное» (21.07.1947). «Чудесно тебя люблю, ценю, дорожу тобой, твоей любовью-дружбой. Все в этом — только наше, совсем особенное, ни с кем не совершавшееся. И это нашло выражение в нашей неповторимой переписке, в этих горах писем... в этой сказочной россыпи чувств, слов, мыслей! Это редкий пример — дар для многих-многих. Может быть, придет время, когда будут изучать их... и как «литературный материал», и как «редкостное проявление любви», — вклад в науку «любографии»... и как «исторический документ»...» (21.07.1947).

К концу жизни И. С. Шмелев все больше укрепляется в мысли, что переписка должна быть опубликована. «Мы, Олечка, сами должны отредактировать нашу переписку. Создастся небывалый роман, огромной художественности, опыта, захвата. Должны решить, что оставить, что закрыть, и определить срок будущего опубликования. Это должно остаться. Этот роман будет переведен на все языки» (24.11.1946).

И. С. Шмелеву было не дано завершить «Пути небесные». Как писала Ю. А. Кутырина «роман остановился на слове, которое явилось завершающим и всеисчерпывающим: «... Евангелие... тут все»». Но этот «духовный роман», как называл его сам Шмелев, был осуществлен в переписке с Ольгой Александровной — «жизнь написала роман. Сего не выдумать. Это сердца наши — себя отдали» (21.02.1947). И наша задача сейчас — выполнить последнюю волю писателя: подготовить и опубликовать «эти горы писем», содержащих бесценные сведения о жизни, творчестве, «пути небесном» И. С. Шмелева и той, которой были посвящены последние годы его жизни.